

Глеб Иванович Успенский

Извозчик

Столичная беднота

Глеб Успенский

Извозчик

«Public Domain»

1867

Успенский Г. И.

Извозчик / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1867 — (Столичная беднота)

В глуши Калужской губернии стоит заметенная снегом деревушка; есть в ней крошечная и шершавая избенка, – в избе живет баба с двумя ребятишками. И баба и ребятишки прежде всего желают что-нибудь есть, а сборщик желает получать с них подушное, и вот ради всего этого по Петербургу мыкается извозчик Ванька, тот самый, который рекомендует вам прокатиться на «американской шведке» или просто надоедает возгласами вроде: «вот на порядочной!», «ах бы, за гривенничек прокатил!» Ради подушного, толочна и красного платка, ожидаемых в деревушке, Ванька переносит в столице множество всевозможных страданий.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Глеб Иванович Успенский

Извозчик

(Очерк)

В глуши Калужской губернии стоит заметенная снегом деревушка; есть в ней крошечная и шершавая избенка, – в избе живет баба с двумя ребятишками. И баба и ребятишки прежде всего желают что-нибудь есть, а сборщик желает получать с них подушное, и вот ради всего этого по Петербургу мыкается извозчик Ванька, тот самый, который рекомендует вам прокатиться на «американской шведке»¹ или просто надоедает возгласами вроде: «вот на порядочной!», «ах бы, за гривенничек прокатил!» Ради подушного, толочна и красного платка, ожидаемых в деревушке, Ванька переносит в столице множество всевозможных страданий. Прежде всего немало удеает у него веку хозяин.

Человек этот вышел из таких же Ванек, сумел понравиться господам, попадал в жизни несколько раз «на счастье», которое являлось к нему в виде людей, желавших носиться из трактира в трактир не иначе, как во весь дух, – и в короткое время, на лютую зависть всем землякам, «вышел в люди». В Ямской он нанял целый этаж, когда-то населяемый господами, и переселил из деревни всю семью. Остатки обоев, золотых багетов и паркетных полов как-то по-свойски мешаются с деревенскими бабами, шатающимися в барских покоях с грязными ребятами; ковши с квасом – на каменных подоконниках, грязные шерстяные чулки у камина, вовнутрь которого вдвинута клетушка с гусыней, изломанное вольтеровское кресло с прорванной подушкой, деревянная лавка, чашка с капустой, громадное зеркало, расколотое в самом центре, и проч. Самовары с зелеными и красными потеками не перестают здесь хлокотать целые дни; ковриги хлеба, соленые огурцы, картофель до такой степени изобилуют в жилище Ванькина хозяина, что даже деревенские родственники его, первоначально потерявшие рассудок от возможности поглощать означенные продукты «сколько душе угодно», в короткое время сообразили, что в этом нет особенного дива и что «по Петербургу завсегда так!» На то он и Петербург прозывается, чтобы «чего угодно... так-то-ся!» Тем не менее увеличение роскоши в огурцах и капусте, происходящее в верхних апартаментах хозяйского жилья, имеет непосредственное отношение или давление на нижний, подвальный этаж, где копошится в отравленном и душном воздухе сорок человек Ванек и их промокшие полушубки, далеко пахнущие овсянкой, их промокшие сапоги и рубахи, в которых гнездится тиф, Ванька этого в счет не ставит. На первом плане его забот стоит хозяйский приказ: «хоть роди, – а два серебром предоставь». Бывают случаи, что в руки Ваньки перепадает кое-что и сверх выручки; но бывают, что вся эта прибыль, накопившаяся в течение нескольких недель, в один несчастный день целиком попадает в хозяйский карман, так как хозяин имеет ту «правилу», «чтобы ничего этого в расчет не принимать!» «Знать я этого не хочу, – говорит хозяин, – потому у меня положено, чтобы было два серебром»... Но и Ванька тоже имеет свою защиту в таких несчастных случаях. Во-первых, он надеется на бога, а во-вторых, у него есть секреты; этими секретами он, словно рожнами, от беды отпихивается. Вот он выехал, помолился на церковь и стал на «счастливое» местечко. По преданиям, на этом самом месте, на углу, около трактира «Амстердам», стоял Иван Шумелов, которому господь такое счастье послал, что теперь он первый из хозяев-лихачей и имеет пребольшой капитал в ломбарде. Попад на счастливое место, Ванька почти покоен и, ожидая седоков, мерзнет с некоторым даже удовольствием. В такие минуты он думает о том, какой-то попадется седок, так как седоки бывают разные; один любит расспрашивать про женский пол; другой говорит: «ну, что же ты теперь – свободный?», а третий умеет только кричать – «пошел

¹ Шведка – низкорослая выносливая лошадь северной породы.

же, чорт тебя побери!» Размышляя о свойствах седоков, Ванька вполне уверен, что седоки эти будут непременно, «потому Иван Шумелов тут же стоял, и теперь он, можно сказать, первый по Петербургу»... Размышляя таким образом, Ванька погуливает по панели, похлопывает рукавицами, подпрыгивает и плечами передергивает, ибо мороз пробирает его тоже не в шутку, а по-столичному, по-петербургски, то есть до костей. Мимо, по улице, несутся извозчики с обледенелыми бородами, седоки с руками, засунутыми в карманы, и поднятыми воротниками. Все визжит и дымится, не знает, куда укрыться от лютой зимы. Ванька все стоит, погуливает да побряхтывает. Идут седоки, но цену несоответственную дают, гривенник с Песков на Английский проспект или в Мастерскую. Ванька тоже понимает цену и за такую ничтожность везти не берется. Но вот с противоположной панели сел на извозчика какой-то барин, и Ванька тотчас же перемахнул с своими санями с *счастливого места*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.